

УДК 947:63

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-997-1008

Оригинальное исследование

Социально-культурный аспект коллективизации сельского хозяйства в СССР в отечественной историографии

Карпова И.Г.

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова,
Россия, 670010, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
E-mail: irusikkig@gmail.com

Аннотация: В статье на основе анализа научных исследований отечественных ученых рассмотрены изменения в социальной и культурной жизни советского крестьянства в первой трети XX века. В это время в Советском Союзе были предприняты меры, направленные на модернизацию основных отраслей народного хозяйства – промышленности и сельского хозяйства. В аграрном секторе результатом преобразований стало создание системы коллективных хозяйств. В работах историков, экономистов нашло отражение, что с появлением колхозной системы исчезает общинный способ ведения хозяйства, в сельском хозяйстве применяются достижения техники, повышается уровень грамотности сельского населения, улучшается система оказания медицинской помощи сельским жителям. Осуществление политики коллективизации способствовало появлению и распространению новых профессий, изменениям в социальной структуре сельского населения. Современные отечественные исследователи, анализируя коллективизацию, большое внимание уделяют изучению изменения быта крестьян в этот период. Создание колхозов получило неоднозначную оценку в работах отечественных исследователей от полного одобрения и отрицания до более взвешенной точки зрения, признающей как достижения, так и недостатки политики коллективизации.

Ключевые слова: историография, коллективизация, колхоз, крестьяне, социально-культурные изменения

Для цитирования: Карпова И.Г. 2023. Социально-культурный аспект коллективизации сельского хозяйства в СССР в отечественной историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 997–1008. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-997-1008

Social and Cultural Aspect of Collectivization in the USSR in the Russian Historiography

Irina G. Karpova

Philippov Buryat State Academy of Agriculture,
8 Pushkin St., Ulan-Ude 670010, Russia
E-mail: irusikkig@gmail.com

Abstract/ The article deals with the analysis of the Russian scientific historiography on social and cultural changes of the Soviet peasants in 1930s of the XX century. This period in the history of the Soviet state was marked as a time of modernization of the basic parts of the national economy – industrial and agricultural sectors. Alterations in agriculture were resulted in the development and implementation of the kolkhoz system. The works of historians and economists show that collectivization caused disappearance of peasant communities as well as a husbandry method that was natural for this unit; at the same time this period is characterized by the usage of modern agricultural equipment, improvement of

both educational and health care systems in the rural areas. Collectivization evoked appearance and spread of new professions, changes in social structure of the rural population. Nowadays Russian researchers analyzing collectivization pay great attention to changes in peasants' lifestyle during 1930s. Collectivization is treated controversially by researches – from strong support or complete denial to well-considered points of view that admit both achievements and drawbacks of collectivization.

Keywords: historiography, collectivization, kolkhoz, peasants, social and cultural changes

For citation: Karpova I.G. 2023. Social and Cultural Aspect of Collectivization in the USSR in the Russian Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 997–1008 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-997-1008

Введение

К началу XX века, когда в большинстве развитых стран господствовала индустриальная система, в Советском Союзе преобладающее большинство населения составляли крестьяне, жизнедеятельность которых регулировалась общиной, а основой хозяйственной деятельности, носившей потребительский характер, оставалось единоличное крестьянское хозяйство [Данилова, Данилов, 1996]. Руководством страны понималась необходимость изменений, которые способствовали бы восстановлению её экономического сектора и сокращению отставания от развитых стран. В СССР активно развернулась индустриализация, и наряду с ней в 1927 году в стране был взят курс на коллективизацию – объединение единоличных хозяйств в крупные сельскохозяйственные предприятия – колхозы. Ю.С. Борисов подчеркивает, что одной из причин для перехода к массовой коллективизации стал рост городского населения, соответственно, возрастала потребность в товарном хлебе и сырье. Многочисленным единоличным хозяйствам, обладающим достаточно низкой товарностью, становилось сложнее обеспечивать город и растущую промышленность продовольствием. Было очевидно, что крупная промышленность требует эквивалента в сельском хозяйстве. Этим требованиям отвечало создание крупной колхозно-совхозной системы [Борисов, 1967].

Одной из основных причин выбора коллективной формы ведения хозяйства для развития советской деревни стала положительная динамика деятельности первых колхозов. Коллективные хозяйства получали преимущества перед единоличными: для обработки земли и сбора урожая привлекались технические средства, что повышало качество и количество урожая, а благодаря созданию кооперативов – артелей и ТОЗов, заметно улучшался уровень жизни крестьян [Крестьяноведение, 1997].

Большинство исследователей осуществление коллективизации делит на два периода. Первый период – с декабря 1927 года, когда на XV съезде ВКП(б) была провозглашена политика, направленная на объединение мелких хозяйств в крупные коллективные сельскохозяйственные предприятия, по декабрь 1929 года. В первую волну коллективизации не были определены её сроки, утверждался принцип добровольности вхождения крестьян в колхозы. Второй период начался с конца 1929 года – начала 1930 года, когда был взят курс на сплошную коллективизацию, сопровождавшуюся политикой «раскулачивания». Этот период основывался на постановлении ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государству колхозному строительству», который устанавливал сроки создания системы коллективных хозяйств в разных регионах Советского Союза [Трагедия советской деревни, 2000]. В.А. Ильиных, С.А. Нефёдов, Л.А. Зайцева и др. указывают и на период массового выхода крестьян из колхозов весной 1930 года после статьи Сталина «Головокружение от успехов», который длился до осени 1930 года, однако это не стало причиной отказа от политики коллективизации, и с осени этого же года коллективизация вернулась к своим прежним темпам [Зайцева, 2011; Нефёдов, 2013; Ильиных, 2014]. Период завершения коллективизации разными исследователями указывается по-разному.

И.Е. Зеленин указывает 1939 год годом окончательного завершения коллективизации, В.А. Ильиных подчеркивает, что в середине 1930-х годов коллективизация ещё продолжалась, С.А. Нефёдов отмечает, что к 1936 г. доля коллективных хозяйств в стране составляла 91 %, по данным большой российской энциклопедии, сплошная коллективизация в основном была завершена к 1937 г. [Зеленин, 2004; Нефёдов, 2013; Ильиных, 2014] Разнообразие мнений может быть связано с тем, что на такой огромной территории, как Советский Союз, было невозможно уложить создание системы колхозов в одни и те же сроки, т. к. уровень хозяйственного развития республик, входящих в состав СССР, очень различался между собой, поэтому правительством были введены различные сроки осуществления коллективизации в разных районах. В черноземных областях надлежало завершить коллективизацию раньше, чем, например, в национальных республиках, в которых требовался более длительный период подготовки для проведения политики коллективизации. Стоит отметить, что большинство исследователей сосредотачивают своё внимание именно на периоде сплошной коллективизации, который начался с конца 1929 года – начала 1930 года. Полагаем, это обусловлено наличием более видимых практических результатов и реакции крестьянства на проводимую политику обобществления в деревне.

Политика коллективизации оказала огромное влияние на развитие советской деревни. Отечественные историки и экономисты по-разному трактуют природу коллективизации и необходимость её проведения. Для одних это была революция сверху, осуществленная для достижения поставленных целей без поддержки крестьянства [Касимов, 2004; Кузнецов, 2020]. Другие определяют её модернизацией, обновлением и усовершенствованием существующего способа хозяйствования с целью повышения его товарности [Безнин, Димони, 1996]. Для третьих коллективизация – это реформа сельскохозяйственного сектора, проведенная в 30-е годы XX века [Никольский, 1997].

Все существующие мнения относительно коллективизации и её осуществления не меняют того факта, что она стала основой изменений в экономической, социальной, культурной и бытовой сферах жизни и деятельности советского крестьянства.

Отечественная историография прошла путь от полного одобрения и принятия политики коллективизации до более критичного отношения к её целям и результатам. Непосредственные участники и руководители коллективизации сельского хозяйства были её первыми исследователями, но их работы носили скорее описательный и агитационный характер. Однако они содержали фактический материал, позволяющий узнать, что представляла собой доколхозная деревня, как проводились коллективизация и раскулачивание, каково было отношение сельского населения к изменениям в деревне; они освещали сотрудничество рабочего класса и крестьянства, изменения крестьянской культуры и быта, развитие колхозного движения. Коллективизация рассматривалась как действенный способ построения социализма в деревне и отвечала всем поставленным задачам по реконструкции аграрного сектора, поэтому, считая, что создание системы крупных коллективных хозяйств – колхозов было единственным, оптимальным способом модернизации сельского хозяйства в стране, в исследованиях данного периода создание колхозной системы и все изменения находили безоговорочную поддержку авторов. К этому периоду относятся работы руководителей советского государства, работы непосредственных участников тех событий, региональных исследователей, материалы партийных съездов, съездов колхозников-ударников. В работе Маслова С.С. «Колхозная Россия» приводится противоположная большинству исследователей точка зрения. Он подчеркивает, что коллективизация способствовала разрушению советской деревни [Маслов, 2007].

Исследователи более позднего советского периода и российские ученые, изучая преобразования советской деревни в конце 1920-х – начале 1930-х годов, стараются дать более объективную и взвешенную оценку коллективизации и её результатам. Историки и экономисты, не умаляя значимости всех положительных изменений, которые происходили в сельском хозяйстве после проведения коллективизации, отмечают неудачи и недоче-

ты, которые были допущены в период социалистического преобразования села. В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, В.В. Бабашкин, Г.Ф. Доброноженко, изучая проведение коллективизации, её задачи, темпы и результаты, определяя объективные и субъективные причины её осуществления, отмечают, что на момент проведения коллективизации не было реальных предпосылок для её осуществления, изначальные цели и способы реализации претерпели существенные изменения, что отразилось на дальнейших способах и темпах проведения коллективизации [Ивницкий, 1995; Данилов, 1996; Доброноженко, 2003; Кондрашин, 2018].

Современные исследователи М.А. Безнин, Т.М. Димони, В.А. Бердинских, Н.В. Липатова, Л.В., Игнатова. Г.А. Щеглова, Г.А. Ташпеков изучают коллективизацию, используя разные подходы [Безнин, Димони, 1996; Ташпеков, 2002; Щеглова, 2008; Бердинских, 2011; Липатова, Игнатова, 2014]. Так, В.А. Бердинских и Г.А. Щеглова освещают все изменения на селе, анализируя рассказы очевидцев тех событий, т. е. основа их работ – устная история, М.А. Безнин, Т.М. Димони, Н.В. Липатова, Л.В. Игнатова дают оценку итогам коллективизации, анализируя отношения крестьянства и власти, Г.А. Ташпековым отношение крестьян к новому коллективному хозяйствованию изучается на основе анализа устного народного творчества.

Большой вклад в исследование проблем коллективизации внесли и ученые, занимающиеся её изучением в пределах своего региона. Исследования Н.Я. Гущина, В.А. Ильиных посвящены проведению коллективизации в Сибири, Г.Л. Санжиев освещал общее положение крестьян Бурят-Монголии в начале XX века, преобразования деревни в республике в период построения социализма в стране, в исследованиях Л.А. Зайцевой подробно и детально анализируется сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР в доколхозный период и во время проведения коллективизации, указываются все произошедшие преобразования и их последствия, В.В. Номогоевой показаны изменения социально-культурной жизни Бурят-Монголии в период колхозного строительства [Санжиев, 1980; Гущин, 1987; Зайцева, 2011; Номогоева, 2011].

Как отмечает И.В. Гончарова, современный этап исследования всех крупных трансформаций отличается междисциплинарностью, когда усилия историков, экономистов, социологов, культурологов дополняют друг друга для восстановления полной объективной картины того или иного события [Гончарова, 2015]. В исследовании коллективизации советской деревни наибольшее отражение нашёл экономический аспект. Культурный и психологический аспекты, как замечает Н.Л. Лопатина, «по-прежнему мало исследованы» [Лопатина, 2003]. И.А. Бондарь и др. подчеркивают, что с проведением коллективизации «не осталась неизменной сельская повседневность, которая являлась отражением вековых традиций организации жизнедеятельности крестьянского сообщества» [Бондарь и др., 2020]. Наибольшее отражение культурные и социальные особенности находят в повседневной и бытовой деятельности человека, традициях проведения празднеств и торжеств, в устном народном творчестве, одежде и т. д. По замечанию А.П. Скорика, Т.А. Самсоненко, тема культурных изменений, которые были вызваны коллективизацией, нашли «фрагментарное освещение» и представляют интерес для дальнейшего их исследования [Скорик, Самсоненко, 2009].

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает политика коллективизации в работах современных отечественных исследователей, предметом исследования – анализ социальных и культурных изменений, произошедших в советской деревне в 30-е годы XX века в работах отечественных учёных. В статье используется нарративный метод, необходимый для описания точек зрения исследователей о социальных и культурных изменениях, которые произошли в сельской жизни в период проведения коллективизации. Использован исторический метод, позволяющий проследить изменения в трактовке понятия «коллективизация»,

обоснование необходимости её проведения, непосредственно сам процесс осуществления создания коллективных хозяйств, её достижения и последствия в работах отечественных исследователей. Применяется сравнительный метод, где коллективизация советского сельского хозяйства и социально-культурные изменения, вызванные ею, изучаются исследователями, освещающими период коллективизации в разных регионах Советского Союза. Хронологический и повествовательно-описательный методы помогают воспроизвести исследуемое историческое событие полно, логично, а также позволяют дать собственную оценку происходившим событиям и их последствиям.

Результаты и их обсуждение

Период коллективизации отмечен концом существования крестьянской общины. Несмотря на то, что община доказала прочность своего существования, новое время требовало новых форм организации хозяйственной деятельности. Вместе с исчезновением общинного строя исчез и традиционный уклад жизни с его обычаями, верованиями, ценностями. О.В. Хлевнюк, В.В. Казарезов подчеркивают, что с утратой общинного уклада жизни крестьян «традиционное крестьянское общество фактически перестало существовать» [Казарезов, 2001; Хлевнюк, 2015].

Прежде крестьянский быт и хозяйственная деятельность были тесно связаны с природными процессами, календарем православных праздников и опытом ведения хозяйства, который был накоплен предыдущими поколениями и передавался от отца к сыну. С обобществлением хозяйственной деятельности меняются способы ведения хозяйства, а также появляются новые приметы, новые формы народного творчества, отражающие реальность новой колхозной действительности.

С исчезновением общинной формы хозяйственной деятельности размывались границы между бедняками, середняками и зажиточными крестьянами, появился новый класс – «колхозное крестьянство» [Гущин, 1973; Джеенбекова, 2020]. С.А. Никольский, М.А. Безнин, Т.М. Димони указывают, что наравне с беднотой, середняками и зажиточным крестьянством появляются новые «экономические группы», к которым относились «малоимущие» – дворы престарелых, одиноких крестьян, «середняков» отличало наличие в семьях квалифицированных специалистов сельского хозяйства и «зажиточное» население, которое определялось местом работника в государственной или колхозной администрации. Таким образом, новым мерилom различий внутри советского крестьянского общества стало не количество десятин земельного надела, но наличие опыта, образования, занимаемая должность. В работе «Крестьянская цивилизация» В.А. Бердинских, обращаясь к рассмотрению социальной роли крестьян, подчеркивает, что самыми уважаемыми людьми становились председатели колхозов и бригадиры, они же были теми, от кого зависели судьбы крестьян-колхозников. С одной стороны, их уважали, с другой – их боялись, что не исключало практики доносительства, которая зачастую была вызвана личной неприязнью или завистью [Бердинских, 2001].

Значительное влияние политика коллективизация оказала на развитие национальных регионов. По замечанию Д.К. Чимитовой, «для национальных районов страны правильное проведение аграрной политики играло большую роль, чем где-либо» [Чимитова, 2005]. Внимание к национальным республикам объясняется различием в экономическом и культурном развитии между коренными народами отдельных районов и населением европейской части страны.

От выпасного скотоводства и примитивного земледелия народы национальных республик, в частности Бурят-Монгольской АССР, шагнули к современной сельскохозяйственной цивилизации, где на помощь в освоении новых форм хозяйственной деятельности приходила новая техника и электричество, знания и применение на практике приемов земледелия и животноводства [Зайцева, 2011].

На примере проведения коллективизации в БМАССР отмечается ряд особенностей, вызванных экономическими, историческими и культурными особенностями развития региона [Зайцева, 2011]. В частности, это сохранившиеся остатки дореволюционных земельных отношений, слабое развитие промышленности, ведение кочевого и полукочевого хозяйства в некоторых районах республики [История Бурятии, 2011]. В западных районах Бурят-Монголии задача коллективизации состояла в интенсификации коллективизации, в то время как в восточных она обозначала перемену кочевого и полукочевого образа жизни на оседлый. Такая масштабная и сложная работа требовала реализации мер, связанных с изменением условий жизни населения республики [История Сибири, 1968]. И если в русских деревнях не требовалось большого количества затрат, дополнительных построек, то в бурятских улусах проводилась огромная и серьезная работа по строительству необходимых жилых и производственных объектов. Все это требовало подготовки рабочих, строительных материалов, денежных средств [Зайцева, 2011]. Б.Б. Батуев, оценивая влияние коллективизации на сельское население Бурят-Монгольской АССР, отмечает, что, несмотря на имевшие место недостатки, перегибы и ошибки, коллективизация в «целом отвечала хозяйственным, бытовым и социально-культурным потребностям простых людей» [Батуев, 1994]. Исследователь подчеркивает, что коллективный труд изначально был в основе взаимоотношений степняков как в хозяйственной, так и в бытовой сферах жизни. В результате коллективизации произошло оседание кочевого и полукочевого населения республики, отныне буряты жили не разрозненно, а по соседству, взаимодействуя не только по работе, но и по дому. В период строительства колхозной системы в Бурятии была осуществлена механизация зернового производства, достигнуты успехи в животноводческом секторе – развивались и выводились новые породы крупного рогатого скота, овец [Батуев, 1994].

Значимые социально-культурные изменения затрагивают сферы образования и медицинского обслуживания. Б.Б. Батуев на примере Бурят-Монгольской АССР, Н.Я. Гуцин на примере сибирской деревни, Р.Р. Юсупов на примере Мордовии и др. указывают на повышение грамотности населения. В БМАССР впервые было достигнуто практически всеобщее начальное, а затем и среднее обязательное образование [Батуев, 1994]. В сибирской школе в период 1929–1930 уч. гг. насчитывалось 608 тысяч учащихся, когда в 1927–1928 уч. гг. количество составляло 120 тысяч человек; охват детей школой в 1924–1925 уч. гг. составил 31 %, а в 1930 году он увеличился до 79 % [Гуцин, 1973]. В Мордовии появилась прослойка студенчества среди татарского населения [Юсупов, 2009]. Т.В. Ченская указывает, что к 1932–1933 уч. гг. в деревне в основном завершилось введение всеобщего начального и семилетнего образования, крестьяне могли поступить в ссузы и в вузы. С 1926 года по 1931 год количество принятых крестьян в индустриальные втузы увеличилось с 72,6 % до 87,5 %. Подчеркивается создание системы последовательного политического образования в различных формах для членов партии и беспартийных [Ченская, 2010]. Появляются и распространяются культурно-просветительские учреждения, открываются школы по ликвидации неграмотности, колхозниками выписываются периодические издания, работает кинопередвижка, открываются столовые и бани. Библиотеки, дворцы культуры, клубы становятся неотъемлемой частью жизни нового оседлого населения [Батуев, 1994].

Модернизационные процессы, проходившие в стране в 30-е годы XX века, оказали огромное влияние на распространение физкультурно-массовой работы в деревне. И.Л. Бахтина и М.В. Попов на примере Уральского региона подчеркивают, что развитие физкультуры получало всестороннюю поддержку местных и центральных органов власти. Увеличивалось производство спортивного инвентаря, появлялись физкультурные кружки. В конце 1920-х гг. на Урале начинают проводиться окружные и районные соревнования, которые содействовали пропаганде физкультуры и спорта. С началом коллективизации физкультурно-массовая работа начала приобретать агитационно-пропагандистские черты. В 1931 году, в связи с голодом и продовольственными трудностями, наметился спад занятий физической культурой – в мае 1931 года 16,4 % крестьян занимались физкультурой,

когда в сентябре 1929 года этот показатель составлял 33 % от общего числа физкультурников [Бахтина, Попов, 2018].

Колхозная система требовала эффективной работы коллективных хозяйств, что ускорило «формирование и развитие широкой сети медицинских учреждений» [Гадицкая, Самсоненко, 2017]. В это время появляются амбулатории, консультации, диспансеры, фельдшерские пункты. Возросли расходы на создание и поддержание работы учреждений здравоохранения. В работе Д.Н. Христенко и Ю.В. Красовской указывается, что в 1920-х годах только 10 % врачей были заняты в деревнях. Резкий перелом наступил лишь с началом коллективизации – увеличилось число сельских медицинских учреждений с 3 504 в 1928 году до 4 974 в 1932 году [Христенко, Красовская, 2019]. М.А. Гадицкая и Т.А. Самсоненко на материалах Юга России отмечают увеличение в 2 раза количества затрат из краевых бюджетов на нужды здравоохранения, также подчеркивают, что поддержка медицинских учреждений велась и колхозами. Развитие медицинской сети способствовало оздоровлению условий быта и труда населения.

Однако, несмотря на положительные изменения, вызванные политикой коллективизации, исследователями выделяется и ряд отрицательных последствий. Раскулачивание – один из самых широко освещаемых результатов создания колхозной системы. Особенностью проведения политики раскулачивания стала нечеткость критериев, кого считать кулаком, поэтому, как отмечают Г.Ф. Доброноженко, Л.А. Зайцева и ряд других исследователей, в первой половине 1930-х годов раскулачиванию подвергались не только кулаки, но и середняки и бедняки [Доброноженко, 2011]. Г.Ф. Доброноженко приходит к выводу, что к группе «кулачество» относили крестьян, которые в данный момент или в будущем могли бы представлять опасность для режима [Доброноженко, 2003].

Принудительный характер коллективизации вызвал отток сельского населения в города, увеличивая процент городских жителей, что имело негативные последствия для сельского хозяйства из-за потери рабочей силы. Разрушение традиционных устоев, которые были основаны на вероисповедании, а также голод, вызванный перегибами в проводимой политике коллективизации, вызывали недоверие сельского населения и нежелание вступать в колхозы [Сухова, Ягов, 2018]. Н.Л. Лопатина отмечает вытеснение и в дальнейшем исчезновение народной культуры – «ушли в прошлое традиции русской песенной культуры, праздники потеряли свою обрядовость» [Лопатина, 2003].

Заключение

Коллективизация как политика модернизации сельского хозяйства предполагала не только объединение мелких единоличных хозяйств в крупные сельхозпредприятия, но предусматривала ряд мер, которые бы способствовали успешному их функционированию, созданию колхозной инфраструктуры. Сюда входило появление школ и библиотек, избчитален, что способствовало повышению грамотности сельских жителей, создание широкой сети учреждений здравоохранения повышало санитарно-гигиенические нормы жизнедеятельности деревни, предоставление возможности получения высшего профессионального или средне-специального образования крестьянам обусловило появление большего количества новых специалистов – механиков, доярок, комбайнеров, трактористов, полеводов и т. д. Появляются культурно-просветительские учреждения, которые ставят целью повышение культурного уровня колхозников, привлекая их в самодеятельные организации и клубы.

Однако наряду с этим нельзя не увидеть и ряд негативных последствий. Происходит обесценивание или утрата национальных ценностей, обычаев, традиций; «компенсацию содержательной стороны праздников люди стали находить в пьянстве» [Лопатина, 2003]. Многие празднества и церемонии упразднились в связи с их религиозной основой, на сме-

ну им приходили светские гражданские праздники, создавались новые традиции и ритуалы. Утрата народной культуры вела к изменениям менталитета крестьянства.

Коллективизация в СССР в 30-е годы бесспорно стало одним из значимых и знаковых событий в истории Советского Союза. Создание колхозов не прошло без ряда перегибов и нарушений. Соглашаясь с В.В. Кондрашиным и М.А. Безниным в том, что недопустимо давать политике коллективизации однозначную оценку, и она должна рассматриваться и изучаться с учетом положительных и отрицательных результатов.

Социальные и культурные изменения напрямую связаны с обществом и его структурой, функционирующими в нем институтами, правилами и образцами поведения. В момент кардинальных трансформаций они имеют важное значение, т.к. помогают понять привели они к регрессу или прогрессу общества. Коллективизация, став одним из противоречивых явлений первой трети XX века в Советском Союзе, способствовала качественному положительному экономическому, социальному и культурному изменениям жизни сельского населения.

Список литературы

- Бабашкин В.В. 2008. О противоречиях коллективизации. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ.90-летию Омск. гос. агр. ун-та и 180-летию агроном. науки в Зап. Сиб. (27–28 марта 2008 г., Омск) в 3 ч. Ч. 1., Омск, 118–123.
- Батуев Б.Б. 1994. Очерк истории селенгинских бурят. Улан-Удэ, Сибирь, 101.
- Бахтина И.Л., Попов М.В. 2018. Физкультурно-массовая работа в Уральской деревне в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Педагогическое образование в России, 12: 6–10.
- Безнин М.А., Димони Т.М. 1996. Крестьянство и власть в России в конце 1930–1950-х гг. Менталитет и аграрное развитие России: XIX–XX вв. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 155–166.
- Бердинских В.А. 2001. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 432.
- Бондарь И.А., Малышкина Е.В., Дарендорф М.В. 2020. Общественное сознание крестьян в период коллективизации сельского хозяйства. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. М.: Научные технологии, 5–7.
- Борисов Ю.С. 1967. Начало сплошной коллективизации. История СССР. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР, 1921–1932 гг. М.: Наука, 714.
- Гадицкая М.А., Самсоненко Т.А. 2017. Медицинское обслуживание в повседневности колхозной деревни 1930-х гг. (на материалах Юга России). Власть. 5: 192–197.
- Гончарова И.В. 2015. Современные концептуальные подходы в исследовании коллективизации. Ученые записки Орловского государственного университета. 1(64): 21–28.
- Гущин Н.Я. 1973. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 518.
- Гущин Н.Я., Ильиных В.А. 1987. Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск: Наука, 331.
- Данилов В.П. 1996. Аграрные реформы и крестьянство в России (1861–1995 гг.). Фонд исследования аграрного развития. Режим доступа <http://fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00000.html>. (дата обращения: 23.06.2023).
- Данилова Л.В., Данилов В.П. 1996. Крестьянская ментальность и община. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 22–39.
- Джеенбекова С.С. 2020. Социокультурные изменения повседневного уклада жизни населения Кыргызстана в годы коллективизации. Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 6: 7–11.
- Доброноженко Г.Ф. 2003. «Кулак» в российском общественном сознании: социально-экономическая группа или результат властной номинации? Рубеж (альманах социальных исследований). 18: 127–144.

- Зайцева Л.А. 2011. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 320.
- Зеленин И.Е. 2004. Сталинская «революция сверху» в свете новейших публикаций и документов. Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, (4): 150–170.
- Ивницкий Н.А. 1995. «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х гг. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ. Судьбы российского крестьянства. М., 249–297.
- Ильиных В.А. 2014. Сельское хозяйство Восточной Сибири в период коллективизации: динамика, организационно-производственная структура. Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 83–92.
- История Бурятии. 2011. Т.3 – XX–XXI вв. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 473.
- История Сибири. 1968. Сибирь в период строительства социализма. Наука, 504.
- Казарезов В.В. 2001. Крестьянский вопрос в России. Т. 2. От коллективизации до перестройки. Москва: Росинформагротех, 526.
- Касимов Е.В. 2004. Крестьянство Чувашии и политика государства по коллективизации сельского хозяйства (1917–1937 гг.). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 28.
- Кондрашин В.В. 2018. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 566.
- Крестьяноведение. 1997. Теории. История. Современность. Ежегодник. М., 380.
- Кузнецов И.А. 2020. Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР. Крестьяноведение, 5 (3): 47–69.
- Липатова Н.В., Игнатова Л.В. 2014. Официоз и секретность: взаимоотношения крестьянства и местной советской власти в середине 20-х – начале 30-х годов XX века (по материалам прессы и специальных донесений). Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М.: Изд-во Ипполитова, 114–124.
- Лопатина Н.С. 2003. Социокультурные аспекты формирования и функционирования коллективного хозяйствования в советской деревне. Автореферат дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 24.
- Маслов С.С. 2007. Колхозная Россия. Наука, 302.
- Никольский С.А. 1997. Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив. Крестьяноведение. Теории. История. Современность. Ежегодник. М., 223–240.
- Нефедов С.А. 2013. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 283.
- Номогоева В.В. 2011. Бурятия в 1920–1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 318.
- Санжиев Г.Л. 1980. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние 368.
- Скорик А.П., Самсоненко Т.А. 2009. «Три бубенщика, два транзелиста, два бунчука»: трансформация культурной повседневности казачьих станиц Юга России в 1930-е гг. Вестник РУДН, серия история России. М., 3: 121–131.
- Сухова О.А., Ягов О.В. 2018. Политика коллективизации в оценках массового сознания 1930-х – начала 1950-х гг.: динамика представлений. Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 4(48): 65–73.
- Ташпеков Г.А. 2002. Жизнь крестьянства 30-х годов в свете деревенских частушек. Социологические исследования, 9: 110–114.
- Трагедия советской деревни. 2000. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 927.
- Хлевнюк О.В. 2015. Коллективизация. Режим доступа: URL: <https://postnauka.ru/video/51486> (дата обращения: 23.06.2023)
- Христенко Д.Н., Красовская Ю.В. 2019. Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе. СНВ. 4(29): 200–204.

- Ченская Т.В. 2010. Государственная культурная политика как инструмент формирования советской идентичности в российской деревне (1926–1932 гг.). Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 1: 51–54.
- Чимитова Д.К. 2005. Национальные районы Сибири в 1920–1930-х гг. в отечественной историографии: экономика и культура. Улан-Удэ, 286.
- Щеглова Т.К. 2008. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 528.
- Юсупов Р.Р. 2009. Социально-экономическое и социокультурное развитие татар-мишарей Мордовии в период советской модернизации в конце 1920-х – 1930-е гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 23.

References

- Babashkin V.V. 2008. O protivorechiyakh kollektivizatsii. Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya [Contradictions of Collectivization. Siberian Village: History, Modern State, Future Development]. In: Materialy VII Mezhdunar. nauch-prakt. konf., posvyachsh. 90-letiyu Omsk. agr. un-ta i 180-letiyu agronom. nauki v Zap. Sib. (27–28 marta 2008g., Omsk) v 3 ch. Ch. 1. Omsk, 118–123.
- Batuev B.B. 1994. Ocherk istorii selenginskikh buryat [Essay in History of Selenga Buryats]. Ulan-Ude: Publ. 'Sibir', 101.
- Bahktina I.L., Popov M.V. 2018. Fizkulturno-massovaya rabota v Uralskoi derevne v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh godov [Sports Activities in an Ural Village in the Late 1920s – the Early 1930s]. In: Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 12: 6–10.
- Beznin M.A., Dimoni T.M. 1996. Krestyanstvo i vlast v Rossii v kontse 1930–1950-kh gg. [Peasantry and Authorities in Russia from the End of 1920s to 1950s]. In: Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). M.: 'Political Encyclopedia Publishers' (ROSSPEN), 155–166.
- Berdinskikh V.A. 2001. Krestyanskaya tsivilizatsiya v Rossii [Peasant Civilization in Russia]. M.: Agraph, 432.
- Bondar I.A., Malyshkina E.V., Darendorf M.V. 2020. Obshchestvennoe soznanie krestyan v period kollektivizatsii selskogo khozyaistva [Public Awareness of Peasants During Collectivization]. In: Sovremennaya nauka: aktualnye problem teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki. M.: Science Technologies, 5–7.
- Borisov Y.S. 1967. Nachalo sploshnoi kollektivizatsii [The Beginning of the Mass Collectivization]. In: Istoriya SSSR. T. VIII. Borba sovetskogo naroda za postroenie fundamenta sotsializma v SSSR, 1929–1932 gg. [History of the USSR. V. VIII. The Struggle of the Soviet People for Basis of Socialism]. M.: Nauka, 714.
- Gaditskay M.A., Samsonenko T.A. 2017. Meditsinskoe obsluzhivanie v povsednevnosti kolkhoznoi derevni 1930-kh gg. (na materialakh Yuga Rossii) [Health Care System in the Daily Life of 1930s Kolkhoz Village (Based on the Materials of the South of Russia)]. In: Vlast, 5: 192–197.
- Goncharova I.V. 2015. Sovremennyye kontseptulnye podkhody v issledovanii kollektivizatsii [Modern Conceptual Approach to Study Collectivization]. In: Uchebnye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1(64): 21–28.
- Gushchin N.Y. 1973. Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu (sotsialno-ekonomicheskoe razvitie sibirskoi derevni v gody sotsialisticheskoi rekonstruktsii narodnogo khozyaistva 1926–1937 gg.) [A Siberian Village en Route to Socialism (Social and Economic Development of a Siberian Village Under Socialistic Reconstruction of National Economy in 1926–1937s)]. Novosibirsk: Nauka, 518.
- Gushchin N.Y., Pinykh V.A. 1987. Klassovaya borba v sibirskoi derevne: 1920-e – mid of 1930-kh gg. [The Class Struggle in a Siberian Village in 1920s – the Mid of 1930s]. Novosibirsk: Nauka, 331.
- Danilov V.P. 1996. Agrarnyye reformy i krestyanstvo v Rossii (1861–1995 gg.) [Agrarian Reforms and Peasantry in Russia]. In: Fond Issledovaniya agranogo razvitiya. URL: <http://fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00000.html>. (accessed: 23.06.2023)
- Danilova L.V., Danilov V.P. 1996. Krestyanskaya mentalnost i oshchina [Peasants' Mindset and a Rural Community]. In: Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). M.: 'Political Encyclopedia Publishers' (ROSSPEN), 22–39.

- Dzheebekova S.S. 2020. Sotsiokulturnye izmeneniya povsednevnogo uklada zhiznin naseleniya Kyrgyzstana v gody kollektivizatsii [Social and Cultural Changes of the Daily Lifestyle of the Population of Kyrgyzstan During Collectivization]. In: Vestnik yrgysko-Rossiiskogo slavyanskogo Universiteta. 6: 7–11.
- Dobronozhenko G.F. 2003. 'Kulak' v rossiiskom obshchestvosnanii: sotsialno-ekonomicheskaya gruppa ili rezultat vlastnoi nominatsii? ['Kulak' in the Russian Social Studies: a Social and Economic Group or a Result of Autocratic Naming?]. In: 'Rubezh'(almanac sotsialnykh issledovaniy). 18: 127–144.
- Zaitseva L.A. 2011. Selskoe khozyaistvo Buryatii v XX veke: opyt i problem razvitiya [Agriculture of Buryatia in the XX century: History and Issues of Development]. Ulan-Ude: Publ. of BSAA, 320.
- Zelenin I.E. 2004. Stalinskaya 'revolyutsiya sverkhu' v svete noveishikh publikatsii i dokumentov [Stalin's 'Revolution from Above' in the Most Modern Articles and Documents]. In: Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost. Ekaterinburg: Publ. Ural state university, (4): 150–170.
- Ivnickii N.A. 1995. 'Velikii perelom': tragediya krestyanstva. Kollektivizatsiya i raskulachivanie v nachale 30-kh gg. Po materialam Politbyuro TSK VKP(b) i OGHU ['The Great Turn': Tragedy of the Peasantry. Collectivization and Dekulakization in the Early 1930s. On the Basis of Documents of Politbureau CC AUCPB and USPD]. In: Sudby rossiiskogo krestyanstva. M., 249–297.
- Ilinykh V.A. 2014. Selskoe khozyaistvo Vostochnoi Sibiri v period kollektivizatsii: dinamika, organizatsionno-proisvodstvennaya struktura [Agriculture of East Siberia: Dynamics, Organizational and Producing Structure], In: Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. Irkutsk: Publ. BSUEL, 83–92.
- Istoriya Buryatii. 2011. History of Buryatia. V. 3 – XX–XXI. Ulan-Ude: Publ.: BSC SD RAS, 473.
- Istoriya Sibiri. 1968. Sibir v period stroitelstva sotsializma. T. 4. [Siberia During the Socialism Implementing. V. 4]. Nauka, 504.
- Kazarezov V.V. 2001. Krestyanskii vopros v Rossii. T. 2. Ot kollektivizatsii do perestroiki [Peasants' Issue in Russia. V. 2. From Collectivization to Perestroika]. M.: Rosinformagrotekh, 526.
- Kasimov E.V. 2004. Krestyanstvo Chuvashii i politika gosudarstva po kollektivizatsii selskogo khozyaistva (1917–1937 gg.) [Peasantry of Chuvashia and State Policy on Collectivization]. Thesis of diss.... cand. histor. scien. Cheboksary, 28.
- Kondrashin V.V. 2018. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiiskoi derevni [Famine of 1932–1933: Tragedy of the Russian Village]. M.: 'Political Encyclopedia Publishers' (ROSSPEN), 566.
- Krestyanovedenie. Teorii. Istoriya. Sovremennost. M., 380 (in Russian).
- Kuznetsov I.A. 2020. Predposylki kollektivizatsii selskogo khozyaistva v SSSR [Conditions for Collectivization in the USSR]. In: Krestyanovedenie, 5(3): 47–69.
- Lipatova N.V., Ignatova L.V. 2014. Ofitsioz i sekretnost: vzaimootnosheniya krestyanstva i mestnoi vlasti v seredine 20-kh – nachale 1930-kh godov XX veka (po materialam pressy i spetsialnykh doneseniim) [Officiality and Secrecy: Relationship of the Peasantry and the Local Soviet Authorities in the Mid 20's – Early 30's of XX Century (on Materials of the Press and Special Denunciations)]. In: Stalinizm i krestyanstvo: sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov i zasedanii teoreticheskogo seminar'a 'Krestyanskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii'. M.: Publ. House of Ippolitov, 114–124.
- Lopatina N.S. 2003. Sotsiokulturnye aspekty formirovaniya i funktsionirovaniya kollektivnogo khozyaistvovaniya v sovetskoj derevne [Social and Cultural Aspects of Forming and Functioning of Collective Farms in a Soviet Village]. Thesis of diss.... cand. culture. scien. Kemerovo, 24.
- Maslov S.S. 2007. Kolkhoznaya Rossiya [The Kolkhoz Russia]. Nauka, 302.
- Nikolskii S.A. 1997. Kollektivizatsiya i dekollektivizatsiya: sravnitelnyi analiz protsessov, posledstviy, perspektiv [Collectivization and Decollectivization: Comparative Analysis of the Phenomena, Consequences, Prospects]. In: Krestyanovedenie. Teorii. Istoriya. Sovremennost. M., 223–240.
- Nefedov S.A. 2013. Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoi kollektivizatsii [Agrarian and Demographic Outcomes of the Stalin's Collectivization]. Tambov: Publ. House of G. Derzhavin, 283.
- Nomogoeva V.V. 2011. Buryatiya in 1920–1930-e gg.: opyt sotsialno-kulturnoi modernizatsii [Buryatia in 1920–1930s: Social and Cultural Modernization Experience]. Ulan-Ude: Publ. BSU, 318.
- Sanzhiev G.L. 1980. Perekhod narodov Sibiri k sotsializmu, minuya kapitalizm [Peoples of Siberia Transit Towards Socialism Bypassing Capitalism]. Nauka, Sib. otd-nie, 368.

- Skorik A.P., Samsonenko T.A. 2009. 'Tri bubenshchika, dva tranzekista, dva bunchuka': transformatsiya kulturnoi povsednevnosti kazachikh stanits Yuga Rossii v 1930t gg. ['Three Bubenshiks, Two Transelists, Two Bunchuks»: Transformation of Culture Everyday Life of South Russia Cossack Village in 1930s']. In: Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii. M., 3: 121–131.
- Sukhova O.A., Yagov O.V. 2018. Politika kollektivizatsii v otsenkakh massovogo soznaniya 1930-kh – nschsls 1950-kh gg.: dinamika predstavlenii [Collectivization in the Evaluation of Public Mind of 1930s-the early 1950s: Dynamics of Presentations]. In: Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya. Saransk, 4(48): 65–73.
- Tashpekov G.A. 2002. Shizn krestyanstva 30-kh godov v svete derevenskikh chastushek [Lifestyle of 1930s Peasants through the Couplets]. In: Sotsiologicheskie issledovaniya, 9: 110–114.
- Tragediya sovetskoj derevni [Tragedy of the Soviet Village]. 2000. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 2. Noyabr 1929 – dekabr 1930. M.: 'Political Encyclopedia Publishers' (ROSSPEN), 927.
- Khlevnyuk O.V. 2015. Kollektivizatsiya [Collectivization]. URL: <https://postnauka.ru/video/51486> (accessed: 23.06.2023)
- Khristenko D.N., Krasovskaya Y.V. 2019. Kollektivizatsiya i stanovlenie sistemy sdravookhraneniya na sele [Collectivization and Establishing of Health Care System in a Village]. SJS, Samara. 4(29): 200–204.
- Chenskaya T.V. 2010. Gosudarstvennaya kulturnaya politika kak instrument formirovaniya sovetskoj identichnosti v rossijskoj derevne (1926–1932 gg.) [National Cultural Policy as a Method to Shape Soviet Identity in a Russian Village (1926–1932)]. In: Ucheonye zapiski OGU. Seria: gumanitarnye i sotsialnye nauki. 1: 51–54.
- Chimitova D.K. 2005. Natsionalnye raiony Sibiri v 1920–1930-kh gg. V otechestvennoj istoriografii: ekonomika i kultura [National Regions of Siberia in 1920–1930s in the Russian Historiography: Economy and Culture]. Ulan-Ude, 286.
- Shcheglova T.K. 2008. Derevnya i krestyanstvo Altaiskogo kraja v XX veke. Ustnaya istoriya: monografiya [Village and Peasantry of the Altay Area in the XX Century. Oral History: a Monograph]. Barnaul: Publ. BSPU, 528.
- Yusupov R.R. 2009. Sotsialno-ekonomicheskoe i sotsiokulturnoe razvitie tatar-misharei Mordovii v period sovetskoj modernizatsii v kontse 1920-kh – 1930e gg. [Social and Economic and Social and Cultural Development of Mishar Tatars of Mordoviya During the Soviet Modernization in the Late 1920 and 1930s]. Thesis of diss. ... cand. histor. scien. Saransk, 23.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interests: no potential conflict of interests related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2023

Received 20.09.2023

Поступила после рецензирования 15.10.2023

Revised 15.10.2023

Принята к публикации 15.10.2023

Accepted 15.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Карпова Ирина Георгиевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные и русский языки», Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.П. Филиппова, г. Улан-Удэ, Россия

Irina G. Karpova, Senior Lecturer of the Department of Foreign and Russian Languages, Philippov Buryat State Academy of Agriculture, Ulan-Ude, Russia

 [ORCID: 0009-0002-8835-3216](https://orcid.org/0009-0002-8835-3216)